

С момента, как А Ци вошёл в эту комнату, каждая минута была для него пыткой. Услышав слово «убирайся», он почувствовал невероятное облегчение, быстро встал и поспешил выбежать из комнаты.

Ань Жун всё ещё сидел на полу, его взгляд был прикован к вазе с ветками цветущей сливы на столе, он долго смотрел, погружённый в свои мысли...

Наступило первое декабря, уже начались холода, и три дня и три ночи шёл густой снег. Всё вокруг было покрыто белым покровом. А Ци в эти дни работал усердно, и несколько обморожений на его руках стали красными и опухшими. Ночью они болели и чесались, и он, не выдержав, расчесал их, отчего гнойные пузыри лопнули, и стало ещё больнее. Он поспешно перевязал руки тряпками. Несмотря на это, руки всё же приходилось опускать в холодную воду, чтобы мыть овощи и рис.

Утром, в квартале Пинкан, снег покрыл дорогу, но узкая тропинка, протоптанная людьми, вела к Двору Вечной Весны.

Чжао Минлан, в сине-белой одежде, поверх которой был накинут белый плащ с воротником из белого лисьего меха, с величественной осанкой, словно растворяясь в белоснежном пейзаже, быстрым шагом вошёл в Двор Вечной Весны и направился прямо на второй этаж. Сегодня был день, который они назначили.

Открыв дверь, он увидел Ань Жуна, сидящего перед зеркалом, его пальцы гладили нефритовую подвеску, он был погружён в размышления.

— Ань Жун.

Закрыв дверь, он вошёл в комнату.

— Уже время?

— Почти, если опоздаем, можем не встретить семью Шэнь.

Ань Жун осторожно положил нефрит в ящик, встал, одежда уже была готова, он взял плащ с вешалки и накинул его на себя.

— Пойдём.

Спускаясь вниз, они увидели тётушку Мэй, которая в главном зале зазывала гостей. Увидев их, она с улыбкой спросила:

— Господин Чжао, вы берёте Хуалина с собой на прогулку?

Казалось бы, случайный вопрос, но на самом деле она преследовала свои цели. Если этот господин уведёт Хуалина, то с господином Ляном будет трудно объясниться, поэтому она решила всё выяснить.

Чжао Минлан поднял бровь, улыбнувшись углом рта:

— Идём любоваться снегом и искать цветущую сливу, а без красавицы никак.

Ань Жун слегка поклонился:

— Матушка, я с господином Чжао пойду полюбоваться зимними пейзажами и скоро вернусь.

Тётушка Мэй засмеялась, её лицо расплылось в улыбке, глаза забегали. Если они идут любоваться снегом и сливой, то она добавит им компаньона.

— Ся Хэ, позови А Ци.

Приказав, она повернулась к ним:

— Я отправлю А Ци с вами, чтобы он помогал сходить с экипажа и нести вещи. Цветы сливы сейчас в самом расцвете, он поможет собрать несколько веток.

Чжао Минлан улыбнулся, но без радости:

— Благодарю, тётушка Мэй.

А Ци вышел в главный зал и увидел их в роскошных одеждах, полных благородства. Сам он был одет лишь в тонкую куртку, подпоясанную серым поясом. А Ци опустил голову, не смея смотреть, молча подошёл к тётушке Мэй.

— А Ци, сегодня господин Лин и господин Чжао отправляются любоваться снегом, ты пойдёшь с ними и позаботишься о них.

Её глаза сузились, наблюдая за Чжао и Ань Жун.

— Хм.

А Ци просто кивнул.

Так они вышли за пределы заведения. Улицы были покрыты толстым слоем снега, всё вокруг было белым и ярким. У входа стояла карета, кучер уже ждал. А Ци поспешил подойти, согнулся, чтобы они могли встать на его спину. Ань Жун на мгновение заколебался, но затем всё же ступил на его спину, Чжао Минлан сделал то же самое.

А Ци выпрямился, собираясь войти в карету, но изнутри раздался голос:

— Лошадь маленькая, не выдержит четырёх человек. Иди за каретой.

Сказав это, человек опустил занавеску, отделив его от мира.

А Ци опустил глаза. Это было правильно, он всего лишь слуга, ему не место в карете. Он потер руки, подышал на них, чтобы согреть. В декабре было очень холодно.

Карета тронулась, из-за снега колёса слегка увязли, и лошадь шла медленно. Обувь А Ци, белая с чёрными носками, промокла от снега, и ноги стали холодными. Он поджал пальцы ног, но всё равно чувствовал пронизывающий холод.

Чжао Минлан откинул занавеску и увидел, как А Ци дрожит на холоде, слегка взглянул на него, затем опустил занавеску.

— У тебя с ним какие-то разногласия?

Это уже второй раз, когда он видел, как Ань Жун придирается к этому человеку. В прошлый раз он едва не убил того раба-черепашу.

Ань Жун в этот момент отдыхал с закрытыми глазами, услышав вопрос, он открыл их, его

тёмные глаза были спокойны.

— Он слуга, разве ему не положено идти пешком?

В карете воцарилась тишина, Чжао Минлан не стал продолжать, закрыл глаза, чтобы отдохнуть. Ань Жун же почувствовал беспокойство, откинул занавеску и увидел, как А Ци, спотыкаясь, идёт за каретой, его губы посинели от холода, а на нём всё та же заплатанная куртка. Он сжал голову, что выглядело ещё более удручающе. Сердце Ань Жуна сжалось, он опустил занавеску, закрыл глаза и больше не думал об этом.

Карета медленно двигалась, и вскоре они добрались до подножия горы Цинтин. Кучер крикнул:

— Тпру!

Карета остановилась. А Ци поспешил согнуться, Чжао Минлан слегка взглянул на него, перешагнул через него и спрыгнул с другой стороны. Ань Жун же, немного поколебавшись, всё же наступил на спину А Ци, на этот раз с такой силой, что тот чуть не упал.

Это была величественная гора, вся покрытая снегом. Снизу она казалась огромной белой стеной, уходящей в облака. Храм Таожань находился на середине горы, дорога туда была построена много лет назад и была достаточно широкой, не слишком крутой, но от подножия до середины горы было далеко, и до храма они добрались бы только к полудню.

Они медленно шли по горной тропе. Видимо, храм был популярен, и снег на дороге уже был утоптан, оставив чёткую тропинку.

Чжао Минлан был из семьи воинов, с детства занимался боевыми искусствами. Ань Жун, хоть и выглядел слабым учёным, в боевых искусствах ничуть не уступал Чжао Минлану. Поэтому они шли легко, используя лёгкость шага. А Ци же, хотя и привык к тяжёлой работе, устал уже на половине пути, тяжело дыша. Но двое впереди шли легко и уже далеко опередили его.

— Ань Жун, подождём его.

Ань Жун и Чжао Минлан остановились на тропе, ожидая А Ци. Тот, будучи слугой, не смел заставлять их ждать, глубоко вздохнул и ускорил шаг. Когда он догнал их, его тело уже было как разбитое, он тяжело дышал. Ань Жун краем глаза посмотрел на него — на лбу выступил пот, рот был слегка приоткрыт, на шее тоже виднелись капли пота. Вдруг он почувствовал странное желание, но отвернулся.

Они шли ещё долго, пока не добрались до храма Таожань. В первый день месяца было много паломников. Чжао Минлан огляделся, ища знатных гостей, но никого не увидел. Они неспешно прогуливались по храму, под огромным старым деревом сидел старик в монашеской одежде, перед ним стоял деревянный стол, вокруг которого собрались паломники.

Ань Жун не любил шум, лишь слегка взглянул на старика. Его простая одежда была покрыта снегом с ветвей, который смешивался с его седыми волосами, лицо было спокойным.

Но вдруг:

— Уважаемый путник.

Ань Жун, уже вышедший из толпы, обернулся. Взгляд старика встретился с ним, он слегка

кивнул. Ань Жун понял, что это к нему.

Он подошёл, толпа расступилась. Лицо старика было добрым, как у Будды.

— Позвольте мне взглянуть на вашу ладонь.

Ань Жун спокойно протянул левую руку, Чжао Минлан же был взволнован, думая, что Ань Жун удостоился внимания почтенного монаха.

Старик внимательно изучил линии на ладони, улыбнулся. Он видел всё, что происходило в этом мире.

— Амитофо.

Старик сложил руки в молитве.

— Ваша жизнь, уважаемый путник, в юности была полна трудностей и испытаний, вы терпели и сдерживали свои чувства, в сердце накопилось много обиды. Но в конце концов вы получите то, чего желаете.

Автор хотел бы сказать:

Я сменил красивую обложку, ха-ха!

<http://bllate.org/book/16237/1459358>